

Е. ВАНЕЙ

ФИЛОСОФИЯ ОТКРОВЕНИЯ

(к 140-летию со дня рождения Н. Рериха и Н. Бердяева)

Русская философия есть преодоление умозрительности, отвлечённости и рационализации, она пытается трансмутировать, преобразовать, преодолеть саму почву знания, почву интеллекта, пытается создать внутренний энергетический канал выхода из сферы гнозиса в сферу любви-мудрости, из ноосферы в логосферу, из ментального плана в план буддхический (как говорят теософы). С этой точки зрения фигуры Н. Бердяева и Н. Рериха представляют собой разные точки отсчёта, разные полюса диалектического единства.

Говорить о них в духе воспоминаний, в духе прошлой истории, в духе рациональной обыденности или в духе академической философии есть попытка *отделаться* от них, попытка свести их жизни и творчество к каким-то обычным, рядовым, рассудочно-постигаемым явлениям, а это – ложный подход, слишком стандартный и омертвляющий, если не хуже.

Нам нужно говорить о них в духе вечных смыслов, вечно живых смыслов, находя эти смыслы в сегодняшней жизни и сопоставляя с *тем* временем, с *тем* стилем, в рамках которых они существовали и существуют. Но это наши рамки, не их. Нам только кажется, что они ушли куда-то на обочину истории, став частицами общечеловеческого знания, и мы можем их оценить и классифицировать. Вернее же будет считать, что это наше время принадлежит уходящей исторической эпохе, умирающей старой рассудочной цивилизации, мы сами принадлежим почти целиком прошлому. Они же сумели прикоснуться к *вечному настоящему* и остались в нём навсегда, а в наших относительных временных измерениях они гораздо больше принадлежат нашему *будущему*, чем нашему *прошлому*.

Н. Рерих – космист, теософ, антиперсоналист, последователь и продолжатель восточных учений в духе расширенного эзотерического буддизма на базе единства всех культурных традиций человечества.

Н. Бердяев – в определённом смысле антикосмист, персоналист, последова-

тель и продолжатель западных учений в духе эзотерического христианства на основе преодоления всех исторических культурных традиций путём эсхатологического, сверхисторического, сверхкультурного творческого откровения лично-персоналистического. Надо понимать, что все эти характеристики очень условны.

Н. Рерих принимает и объёмлет всех и всё, поскольку на таких высотах духа исчезают не только полутени, но и тьма – там есть только *свет* («Сожжение тьмы») и беспредельность. Личное здесь встроено в Иерархию Света и подчинено ей.

Н. Бердяев понимает и объёмлет всех и всё, но почти ничего не принимает из сферы относительного и временного, считаясь только с абсолютным и вечным. Он предпочитает иметь свою заострённо-личностную точку зрения, которая отталкивает его и от Иерархии, и от общности-коллективизма, и от всеобщности и всеединства. Он – сторонник законченных, окончательных иерархических отношений и не переносит никаких подчинений кому бы то ни было, он ожидает окончания времён, когда уже все без исключений станут просветлёнными и преображёнными, когда все станут Христами, достигнув сверхличностной духовной углублённости, когда весь мир целиком перейдёт в новое качество соборного сознания. За такие лично-персоналистические идеалы Н. Бердяев готов бороться с каждым оппонентом в отдельности и со всеми вместе одновременно – и с врагами, и с друзьями, и чуть ли не с самой духовной Иерархией. Он совершенно не принимает никаких компромиссов, ожиданий и эволюций, он бунтарь и революционер духа, он воин до самой своей сердцевины, не собирается менять свою позицию и поступаться персоналистическим видением, хотя это видение и меняется в течение всей его жизни. В конце концов, он ведь и себя признаёт теософом (критикуя все теософские течения), признаёт и правоту Л. Н. Толстого (которого он тоже часто критиковал), правоту духовного космизма и даже правоту оккультизма (также с определёнными оговорками).

В Н. Бердяеве очень заметно влияние его европейских аристократических предков – он весь человек высочайшей западной культуры, культуры индивидуалиста-феодала, утончённого барина-аристократа, углублённого интеллектуала-романтика, художника и писателя высокого стиля, поэта-мыслителя, философа-персоналиста.

С русской стороны Бердяев тоже аристократ-европеец, но больше деятель, военный, больше воин, чем поэт и мыслитель. История России не такая древняя, как история Европы (воспитанной на культуре Древнего Рима и Греции), и она представляет из себя больше борьбу за право своего собственного исторического пути, чем какое-либо другое культурно-историческое наследие. По этой причине история России есть бесконечная история своего собственного становления новых социальных форм и отношений, история борьбы за новый независимый путь. Поэтому вся русская аристократия была всегда военной аристократией, армейской, служилой. И это тоже очень чувствуется в Н. Бердяеве с его всегдашней наступательной позицией подчёркнутого персонализма и яростного патриотизма, несмотря ни на что – ни на какую власть, ни на какой политический режим – он русский патриот в любом случае, так как всегда чувствует духовный потенциал России, скрытый и подавленный пока, но мощный и фундаментальный в глубине.

Н. Рерих, пожалуй, больше русский американец, чем европеец, в нём ощущается больший простор, большая широта и гораздо меньшая интеллектуальная изощённость и влияние старой европейской культуры. Мысль его не утончённо-рафинированная, углублённо-аналитическая, лично-заострённая, пропитанная сложным и тяжёлым опытом старей культуры. Его мысль свободна, открыта и широка, общечеловечна, проста, понятна каждому и космична настолько, насколько космичны мы все, являясь частью космоса. Можно сказать, что мысль Н. Рериха бесхитростна и неинтеллектуальна, но в ней чувствуется сила и красота, дух человека и дух Космоса. Наверное, это – дух Востока.

В точке соприкосновения этих двух позиций мы можем увидеть, как старая западно-христианская интеллектуально-личностная культура встречается с древней духовной культурой Востока в поисках синтеза. **«Мы по-новому должны вернуться к космическому чувству и сознанию. Но задача христианского гнозиса – в установлении идеального равновесия между тео-софией, космо-софией и антропо-софией. Мистика, оккульт-**

изм и религия сосуществуют в человеческом сознании. Мистика – непосредственное богообщение, созерцание Бога и соединения с Богом. Оккультизм – общение со скрытыми силами космоса и космическое развитие. Религия – организованное отношение человечества к Богу и иерархически нормативный путь богообщения, эзотеризм и экзотеризм не исключают друг друга, эзотеризм должен быть понят из глубины эзотеризма» (Н. Бердяев. *Философия свободного духа*)».

Но культура культуре рознь, культура – это больше процесс, чем конкретное, постоянное явление, и наши взаимоотношения с культурой тоже не просты. Н. Рерих во всех культурах старался выявить духовно-религиозную, светоносную основу. **«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания Культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. (...) И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка» (Н. Рерих. «Врата в будущее».)** В творческом наследии Рерихов преобладает стремление к высоким и торжественным формам выражения. Когда высоких слов слишком много, они начинают «замыливаться» и терять силу, становятся обыденными и скучными. Возникает даже некоторая оскомины, приедание, затем – отталкивание, отторжение по причине несоответствия низкой реальности (часто очень грубой, пошлой и некрасивой) слишком высоким идеалам и не всегда уместному пафосу. Идеалы, конечно, необходимы, только более конкретные и понятные, а чрезмерная идеализация, направленная в основном в будущее, настораживает, так как она больше воображаемая и плохо применимая к настоящему времени. Сам Н. Рерих, усиливая действие магнита духовной культуры, укрепляя Идеал устремления, замечал нестыковки и несоответствия слов и дела, пытаясь как-то их преодолеть. **«За долгие времена так называемой цивилизации человечество так привыкло не соединять поступки свои с произносимыми понятиями. Люди ходят в церковь, умиляются словами высокого Учения, восхищаются проповедью о нестяжании и, приговаривая: «Все мы скоты перед Господом», идут домой, чтобы неотложно объесться, опиться, отравить себя всякими наркотиками и сквернословить. Люди идут в театр, плачут над суровой**

судьбою героев, проникаются самыми возвышенными идеями и спешат домой, чтобы готовить ту же судьбу героям современности. Люди слушают музыку, даже пытаются внести её в обиход свой, но посмотрите на этих знатоков звука, когда биржа не отвечает их вождениям.

И так мы ухитрились наполнить жизнь самыми невероятными противоречиями, но с одной оговоркой – подьёмы духа бывают очень кратковременны, так как озверение бывает вполне естественным пополнением жизни. В неискренности люди приходят даже к некоторому утончению» (Н. Рерих. «Культурность»).

Дело, видимо, в том, что люди всегда были материально несвободны и вынуждены существовать в этих несвободных, но привычных формах традиционной социальной жизни (государственной, национальной, классовой, семейной, групповой). Аристократ имеет образование и доход, которые позволяют ему жить более независимо от грубых социальных форм и не раздваиваться между высокими идеалами и низкими заботами о хлебе, одежде, жилище, чему посвящена жизнь большинства. Отсюда и вытекают двойственность, лицемерие, ложь и всякие несоответствия между словом и делом. Это противоречие между старой аристократией с её высокими идеалами и остальным обществом всегда было острым. Да ведь мы знаем, чем закончилось это противоречие тогда, в той конкретной ситуации, когда *дельцы* обманули и ограбили Рерихов, присвоив себе их культурное творческое наследие (по крайней мере, то, что измерялось в денежно-материальном эквиваленте). А ведь *дельцами* этими были ближайшие ученики и сотрудники, многолетние друзья. Но такова реальная, неприукрашенная жизнь. Это хороший урок, пока ещё плохо выученный.

Культура есть творческое излучение света, но творчество заключает в себе глубокое противоречие, которое и создаёт творческое напряжение. Конечная цель культурного творчества – освобождение от формы, просветление. Когда сознание просветляется, оно перестаёт интересоваться формальным аспектом и перестаёт заниматься творчеством форм, так как цель уже достигнута, материальный мир феноменов преодолен. Правда, тут же возникает новый предлог для творчества – помощь непросветлённому человеческому обществу, с которым нужно работать, освобождая и просветляя его. Так творческий процесс переходит в новую фазу, более осмысленную и более сложную, хотя даже само присутствие человека

просветлённого (святого) создаёт поле притяжения и трансмутации – свет просто распространяет свет вокруг себя.

Надо признать, что на земле временно утвердилась именно цивилизация, а не культура, цивилизация умственно-материальная, рационально-потребительская, точнее – рационально-паразитическая. Такова наша сегодняшняя конкретная реальность, в которой культура оттеснена на периферию жизни, а цивилизация торжествует и подавляет, понятно, что это не навсегда, но всё же как-то неуютно.

Главное противоречие культуры – в двойственности жизни и сознания, в двойственности миров Кесаря и Бога, в двойственности самого процесса творчества: с одной стороны, творчество родового воспроизводства, с другой – творчество эмоционально-духовное, интеллектуально-духовное и просто духовное. Каждое из этих творческих направлений создаёт разные миры существования, между которыми возникают противостояние и борьба. Так, цикл за циклом идёт то упадок, то возрождение и подьём, и одно меняется местами с другим, перемешиваясь, мутируя, создавая всё новые формы противостояний и борьбы.

«Доныне мир знал по преимуществу два пути: созидание собственной души или созидание совершенной культуры. Мировой кризис культуры выведет из этой противоположности. В творческом опыте человек выйдет из физического плана мира и его законов. Человек во всей полноте своей жизни должен претвориться в творческой акт. (...)

Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача. (...) Культура во всех её проявлениях есть неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преобразования бытия. Культура кристаллизует человеческие неудачи. Все достижения культуры – символические, а не реалистические. В культуре достигается не познание, а символы познания, не красота, а символы красоты, не любовь, а символы любви, не соединения людей, а символы соединения, не власть над природой, а символы власти. Культура также символична, как и породивший её культ. Культ – религиозная неудача, неудача в богообщении. (...) В культуре есть вечная, мучительная неудовлетворённость. Кризис культуры и есть последняя воля человека к переходу от символически-условных достижений к достижениям реально-абсолютным. (...)

Творчество новой эпохи преодолет культуру изнутри, не извне. Творческая

мировая эпоха может быть лишь сверхкультурной, а не докультурной и не внекультурной – она принимает положительный религиозный смысл культуры, признаёт великую правду всякой культуры против всякого нигилизма. (...) Сама неудача культуры – священная неудача, и через неудачу эту лежит путь к высшему бытию» (Н. Бердяев. «Смысл творчества»).

Н. Бердяев философствует о «вещах в себе», точка отсчёта его – нездешняя, он исследует «мир причин», а не «мир следствий». Он ощущает мир постоянно рождающимся из небытия и уходящим в это же небытие, он понимает это небытие, чувствует его. Бердяев всё время ожидает, что «мир следствий» откроет свои границы и сольётся с «миром причин», преобразится. **«Мир должен кончиться, история должна кончиться. Иначе всё бессмысленно. Конец есть торжество смысла, соединение божественного и человеческого. (...) Преодоление раздвоения и объективации, выход из рабства миру объектов может быть назван пробуждением сверхсознания или высшего сознания. (...)**

Но прежде чем перейти к высшей эпохе и к единству, человеку предстоит до конца пройти путь раздвоения и путь страдания, с трудом переносимого» (Н. Бердяев. «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»).

Необходимо сделать очень большое внутреннее усилие, чтобы попытаться вырваться из обыденно-рационального круга слов и мыслей, к чему нас подводит русская философия откровения, которая обнаружила себя ещё в творчестве великих русских писателей Гоголя, Достоевского, Толстого – все они жили и творили на пределе сил, все искали откровения и преображения. Это чувствовал первый русский философ-космист Н. Фёдоров (185 лет со дня рождения), всю жизнь положивший на то, чтобы как-то выразить своё чувство, расширив острое личное переживание до «общего дела» планетного масштаба. Это же чувство углубил до предельной глубины интеллектуально-философского откровения Н. Бердяев. Это понимание расширил ещё больше и масштабнее Н. Рерих, преобразовав сознание личности в общечеловеческое культурное сознание и переведя их на уровень Сознания космического.

Но, как обычно бывает, пафос высоких слов создаёт какие-то ложные фантастические миры и иллюзии, создаёт отчуждение и барьеры, создаёт идолов и поклонение им, фанатизм последователь чужих мыслей и идей, создаёт деле-

ние на субъект и объект. А глубина, острота, утончённость мысли отпугивают, вызывают желание более упрощённой умственной интерпретации.

Понимая всё это, понимая относительность всех наших рационализаций и интерпретаций, понимая, что вся наша *обычная* культура является культурой самоутверждения и приспособления к миру посредственности, мы также должны понять и то, что существует *культура откровения*, сверхкультура, философия откровения.

Старая культура была культурой аристократической, возвышенной, утончённой, кастовой – широкие народные массы жили всегда своей собственной жизнью, обособленной от высокой аристократической культуры, используя народно-религиозные, более приземлённые формы культуры. В новое и новейшее время, при перемешивании социальных этапов, возникло явление образования и воспитания для всё более широких слоёв общества, явление понижения уровня культуры, явление постепенного превращения религиозного духа культуры в умственно-дифференцированный, отвлечённо-научный. Стала возникать всё большая раздвоенность сознания: культурно-умственное образование, которому обучали (и обучают) в школах, университетах, семинариях и т. п., создало некоторую отдельную психическую сферу сознания, существующую автономно и слабо связанную с обычной жизнью: некоторое инородное умственно-моральное тело, как свод правил поведения и ограничений, сдерживающих примитивные животные инстинкты и страсти. Получилось так, что животные инстинкты подсознания масс не развивались, не утончались, не поднимались вверх к высокой культуре, а только сдерживались умственно-религиозными запретами, сдерживались и отталкивались вниз, на своё древнее место подсознания. Тогда эта сдерживающая, отчуждённая область низкоумственной культуры стала подвергаться сильному давлению снизу – со стороны подсознания и создавать множество проблем и психических расстройств (см. роман Достоевского «Бесы»). На какое-то время вопрос решили тоталитарные идеологии, сдерживающие бурно растущие массовые энергии низкоумственной культуры и направляющие эти энергии в русло массового созидания новых материальных и социальных форм или в русло разрушения и агрессии (репрессии, войны).

Теперь, когда все сдерживающие и запрещающие факторы исчезли, а старая аристократическая культура ушла вместе с потомственной аристократией, все эмо-

ции и инстинкты подсознания захлестнули низкоумственную сферу массовой культуры. «Бросая всему обвинения в своекорыстии, прирождённые своекорыстники начинают безумствовать и над Культурою. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед Культурою уже были какими-то достижениями.

Кошунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недосягаемости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от неё. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведённому до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканного и творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святынища и поддержать то, чем жив дух человеческий» (Н. Рерих. «Качество»). С точки зрения современного цивилизованного человека массовой культуры, слова Н. Рериха звучат наивно, малопонятно и, по меньшей мере, очень старомодно. Но таков нынче человек, который стал не то чтобы малокультурен, но практически бескультурен, хотя и образован, и умён. Образование сегодня оторвано от культуры, оно носит характер умственно-отвлечённый, информационно-рациональный. Связь со светом Культуры, связь с высшим планом сознания отсутствует. Видимо, необходимо какое-то очень сильное массовое потрясение, чтобы вырваться из этого заколдованного круга убогой рациональности и стихии «освободившихся» инстинктов, какое-то новое *откровение* на массовом уровне сознания. Поэтому тема *философии откровения* сегодня должна бы нас интересовать и волновать хотя бы в плане перспектив на будущее, которые начинаются всегда в настоящем, прямо сейчас.

Н. Рериху удалось установить связь с областью высшего иерархического планетного сознания, которую он попытался всячески расширить и укрепить с широкими слоями всего человечества – как с правительствами разных стран и с культурными элитами, так и со всеми, наиболее развитыми группами людей во всём мире. «Ту молитву, которую произнёс Христос, покидая Землю, не услышали люди. Ту молитву, которую произнёс Будда, не услышали люди. Та молитва, которую произнесёт Майтрейя, молнией стучится к человеческому духу. Так прославляется Земля и создаётся сознание».

Когда сроки приближаются, тогда

можно приступить к началу созидания. Ведь творчество Начал соблюдает ритм, не замедляя, но ускоряя. Наряду с планетною жизнью, идёт строительство для Высших Сфер» («Иерархия»).

Н. Бердяев – сторонник решительных и радикальных религиозно-философских решений в деле преобразования человека и человечности, в деле избавления сознания от пут объективации. Он – сторонник всяческого усиления личности: только личность человека, Личность Христа и Сверхличность Бога существуют, остальное – иллюзия. Но есть у Н. Бердяева и такие строки: «Культ Божьей Матери, Пресвятой Девы, по существу отличный от языческого культа женственного начала, есть культ женственности совершенно просветлённой, победившей дурную женственность» («Опыт эсхатологической метафизики»). Космическая, планетарно-человеческая и субъективно-объективная мистерия нуждается в соответствующей *форме* выражения-воплощения, и эту форму может дать только Мать Мира – Женское начало, рождающее младенца-Христа, высшее Сознание человечества, просветлённое Сознание. Из родовой рождающей инстинктивно-бессознательной стихии развивается стихия сознательная, утончённая, духовно-творческая и, наконец, девственная. Так Мать снова становится Девой, а Сын возвращается к Отцу. К духовному, полностью преобладающему катарсису ещё нужно прийти, развиваясь и накапливая духовный опыт, развивая и утончая форму, очищая сознание. Революция подготавливается эволюцией, а эволюция без революции не может подниматься качественно. Эволюция накапливает, революция преобразует; революция разделяет, обостряет, эволюция сглаживает и объединяет; эволюция – это циклическое, круговое движение, революция – апокалиптический качественный сдвиг, скачок.

Эволюционное откровение Н. Рериха (хотя в нём есть и элементы революционные) диалектически не противоречит революционному откровению Н. Бердяева, они дополняют друг друга. Космическое объективное начало одушевляется, субъективируется, дополняется личностно-персоналистическим измерением, пробуждает в себе Сознание. Субъект, личность расширяет себя до объекта, до всеобщего, до космического, планетного и общечеловеческого. Так возникает новое Сознание – просветлённое, вневременное, беспредельное. «Человек идёт от подсознательного через сознание к сверхсознательному. Целостность и полнота достигаются лишь в сверхсознательной жизни. (...) Сознание само по

себе не есть ещё достижение цельности личности. (...) В разложениях личности мы соскальзываем вниз, к кошмарным сновидениям и грёзам. Окончательное же пробуждение достигается той духовной трезвостью, которая ведёт к свету целостного сверхсознания» (Н. Бердяев. «О назначении человека»).

Н. Рерих и Н. Бердяев – представители потомственной аристократии, элитной части человечества, всегда жившей и мыслящей идеалистически, возвышенно, религиозно-нравственно, культурно. Их время – время идеалов и высокого стиля, время не только высоких слов, но и не менее высоких дел, поступков и устремлений. Двадцатый век вывел на сцену истории массы с их быстро развивающимся сознанием и всеми соблазнами и проблемами, связанными с этим быстрым развитием. Потомственной аристократии пришлось потесниться и постепенно (а иногда и катастрофически быстро) покинуть передовые позиции в истории, культуре, политике, экономике. Наступило время становления наиболее развитых социальных групп в массовом сознании человечества, время становления новой элиты, приходящей «снизу», а не «сверху», как раньше, время становления новых идей, интересов, идеологий. Если старая аристократия, обладая мощной духовной силой, воздействовала этой силой на интеллект и эмоции, а через них и на физический, материальный мир, то теперь материальный мир, развиваясь от эмоций до интеллекта, пытается возвыситься до духовного уровня, пытается ощутить его, осознать и понять. Можно сказать, что сегодня два великих исторических движения планетарных энергий – одно «сверху» (старая культурная аристократия), другое «снизу» (новая низкоментальная и материалистическая элита) – встретились на плане рационализации-информации, застряли и закружились на этом плане в плоском, горизонтальном измерении, построив цивилизацию постидеализма и постхристианства, цивилизацию *паразитического рационализма*. Парадокс этой цивилизации в том, что, зная о духе, о просветлении, о высшем сознании всё, что можно знать информационно-умственно, мы ничего о них по существу не знаем – они отчуждены от нас, это – чуждый для нас мир. Через слова, мысли, информацию к реальности пробиться очень сложно – они объективируют и искажают реальность высшую, к которой можно прикоснуться только на субъективном плане, на плане внутренней тишины и созерцания.

Всё, что можно было сказать словами о главном и самом важном, уже сказано,

теперь все слова произносятся и записываются о каких-то вторичных, второстепенных, часто совсем и не нужных вещах и надуманных проблемах. Все главные вопросы уже поставлены и ждут своего конкретного решения, а вовсе не бесконечного их пережевывания. Поэтому и литература (как уже состоявшееся откровение) уже не нужна после Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого (это, кстати, Толстой очень хорошо понял однажды). А после Н. Бердяева уже не нужна и философия, так как он интеллектуально добрался до конечной сути всех вещей в этом мире (что Н. Рерих сделал посредством откровений живописи и культуры). После *философии откровения* любая другая философия теряет смысл и только запутывает в словах и идеях, в объектах. Философия теперь может стать только частью внутреннего опыта субъективного личного познания и должна вести к откровению и просветлению субъекта, к преодолению им объективного мира, к преображению. «В духовном мире нет замкнутой и отделённой личности. Этика личного спасения приводит к искажению и извращению идеи рая и Царства Божьего. (...)»

Спасение есть воссоединение человека с человеком и человека с космосом через воссоединение с Богом. Поэтому индивидуальное спасение или спасение избранных невозможно. В мире будет продолжаться трагедия, распятие и мука, пока не будет достигнуто всеобщее спасение, просветление и преображение всего человечества и космоса.

И если это не может быть достигнуто в нашем мировом зоне, то будут новые мировые зоны, в которых дело спасения и преображения будет продолжено. Земной жизнью человека не исчерпывается и не завершается дело спасения и преображения. Моё спасение и преображение связано не только со спасением и преображением других людей, но также со спасением и преображением животных, растений, минералов и каждой былинки, с введением их в Царство Божье. И это зависит от моих творческих усилий. Поэтому и этика должна носить космический характер» (Н. Бердяев. «О назначении человека»).

Есть разные уровни проработки, осознания, восприятия дуальности материи-духа, есть Иерархия разных уровней состояния сознания, поэтому пока существуют и объективация, и материальный мир, и мир эмоционально-умственный, и мир рациональный – так много относительно истин. Человек и человечество вынуждены постоянно самоопределяться и де-

лать выбор в сторону той или иной условности и относительности. Речь должна бы только идти о том, что нельзя ничего абсолютизировать, что всё есть только приближение, попытка подъёма или падение вниз. Пока существуют относительные истины и разные уровни, будут и борьба, и непонимание, и страдание, будут победы и поражения, жизнь и смерть. Обучение продолжается, а мир – наша школа, университет, детский сад и академия наук, кабак и храм, бордель и монастырь. А потом этот мир приходит к концу и начинается новая школа в новом мире. Это и называется ростом и развитием, расширением и просветлением сознания – сначала личного, потом группового и массового, потом планетарного и космического. Дух умудряется через материю, а материя просветляется духом, одно отталкивается от другого, потом притягивается и рождается нечто третье. И это третье растёт, ширится, становится то человеком, то планетой, то солнцем, а затем и вселенной со всеми её звёздами и галактиками.

История человечества основана на отталкивании мира человеческого от мира Бога, основана на создании и развитии мира отражённого света, который оттолкнулся от мира Света настоящего, сокровенного, от Света откровения. В этом заключается изначальный «грех» человека умственного, который съел «умственный плод» с древа познания. В этом заключена вся наша странная, мучительная История. История непрекращающихся мучительных усилий преодолеть саму себя и освободиться от бремени вывернутого наизнанку исторического мира, от бремени отражённого, умственного, эгоистического света, чтобы прийти к свету настоящему.

«Конец света» – не означает ли это в символическом или метафизическом смысле только то, что нынешняя цивилизация пользуется не настоящим Светом Культуры Откровения (который для неё закончился), а отражённым светом «культуры самоутверждения», светом умственно-пародийным и паразитическим по своей сути? Всё это мучительно остро понимал Н. Бердяев и пытался донести до нас во всех своих книгах. **«В пределах самой христианской истории происходит постоянное взаимодействие начал юдаистических и начал эллинистических, которые и являются главными источниками всей нашей культуры. Я думаю, что столкновение двух начал существует и в пределах самой христианской церкви. Христианскому духу свойственна семитическая прививка, без которой невозможна была бы историческая судьба христианства. (...)**

Но враждебный христианству юдаизм может быть свойствен и не евреям, а равно как евреи по крови могут быть от него свободны. Никакой вульгарный антисемитизм не может быть оправдан религиозным постижением судьбы еврейства. Окончательное разрешение еврейского вопроса возможно лишь в плане эсхатологическом» (Н. Бердяев. «Смысл истории»). Т. е. так называемый «еврейский вопрос» прямо связан с общечеловеческой «культурой самоутверждения», а возможное разрешение его связано с опять-таки общечеловеческой «культурой откровения».

Сложность в том, что мы постоянно путаем совершенно разные уровни бытия и сознания и пытаемся переносить и проецировать проблемы метафизические на уровень проблем бытовых, конкретно-политических, национальных, экономических и т. д. Отчего проблемы усложняются, запутываются, перемешиваются и превращаются в какую-то эмоционально-умственную «кашу», в хаос. Тогда социальные страсти находят выход в погромах, ненависти, войнах, насилии и «виноват» оказывается тот, кто в данный момент находится рядом, под рукой, любой «чужак», на котором можно сорвать злобу и негодование. Именно так наша История и превращается в бесконечный тупик и страдание, от чего мы яростно пытаемся избавиться за счёт кого-то другого, но безуспешно и опять бежим по тому же кругу. Только выход за пределы этого исторического круга ведёт к освобождению и этот выход связан с преображением сознания, с его просветлением, связан с философией откровения, с культурой откровения, с религией откровения. Просветление есть возвращение сознания из состояния отражённого света к первоначальному, настоящему, вечному Свету. Это не так уж сложно понять.

Современная культура – культура самоутверждения, подражания, пародий, в лучшем случае культура хорошего исполнительского мастерства. Она несамодостаточна, несамостоятельна, она пользуется не своим собственным светом, а отражённым, умственно-личностным, иллюзорным. Это культура *человекобожеская*.

Настоящая культура – Культура Света, Культура Откровения. Она ищет каналы прямой связи с миром Высшим и черпает оттуда энергию вдохновения и творчества. Это – классическая русская культура Золотого Века: культура Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чайковского. Это культура *Богочеловеческая*.

Здесь линия основного конфликта внутри современной цивилизации. Выход из него возможен только через обраще-

ние к философии откровения, к культуре откровения, к религии откровения. Это путь выхода на высший, пограничный уровень всех социальных форм – то, что Н. Бердяев называл эсхатологией, а Н. Рерих огненным пробуждением и связью с духовной Иерархией планеты.

Если мы не принимаем духовную Иерархию за реальность (а все пророки, святые, просветлённые, лидеры и основатели всех религий принадлежат этой духовной реальности, и число их множится от века в век), то мы тогда вынуждены принять материально-личностную Иерархию, к которой сегодня пришла современная цивилизация: «золотой миллиард (миллион)», «успешных», «сильных» личностей, богатство и власть на одном полюсе, а на другом – «электорат», «планктон», «ботва», основная масса «нижнего» человечества. Это есть Иерархия Человека-бога, Иерархия Личности, противостоящая духовной Иерархии Бого-человека. Любые структуры и формы неустойчивы и текучи, но духовная Иерархия выводит человечество на путь постоянно расширяющегося космического развития, на путь постоянного подъёма и роста сознания, а Иерархия Личности (её можно назвать также Иерархией Кесаря), замыкаясь в себе, отрицая космическое высшее сознание, может только дойти до высшей точки ограниченного развития, затем деградировать, а потом начинать всё заново опять до этой же ограниченной точки роста. Т. е. она не имеет перспектив развития, вынуждена кружиться на одном и том же месте, на горизонтальном уровне ноосферы. Человек должен понять, что личность – необходимый этап в развитии человечества, но она должна быть переориентирована на более высокие цели.

Мир сопротивляется духу Будды, духу Христа, духу Любви, духу Творчества, духу Откровения. Мир всё время пытается эти духовные прорывы к Свету использовать по-своему, приспособить для своей пользы, для своего порядка, подогнать под свои привычные социальные отношения. Свет, Любовь, Истина ломают устоявшиеся исторические, религиозные, социальные традиции и схемы. Возникает хаос, беспорядок, борьба, а потом мир опять приспособливается, приспособливая временное к вечному. **«В действительности происходит борьба духа с природной необходимостью, личности – с объектным миром, борьба Бога в человеке с «миром», находящимся в состоянии падшести, утеревшим свободу. Действительное развитие, прогресс в мире есть результат не закономерного необходимого процесса, а творческих**

актов, вторжения царства свободы в царство необходимости». (Н. Бердяев. «Опыт эсхатологической метафизики»). То есть развитие происходит из-за определённых «пассионарных толчков» внутри мира из мира Света, Бога и Истины. Мир борется с этими явлениями, пытаясь их затушить, затемнить, обезвредить, но вынужден приспособливаться к ним, и в этом приспособлении возникает рост, прогресс, развитие. Всё историческое христианство есть, по сути, постоянная, упорная борьба с Христом, есть попытка «приспособить» Христа к миру, к традиционному языческому сознанию, к удобному социальному конформизму. Отсюда – вечный раскол в душах людей, чувство вины, отсюда – постоянные войны и агрессивные страсти и противостояния между вождями, церковью, народом, отсюда – яростные попытки заглушить, преодолеть эти противоречия, эту раздвоенность, заглушить муки совести и тихий, но явственный голос Бога. Это – наша История. **«Мировая гармония» совсем не применима к этому миру, это – ложная идея, прикрывающая зло и неправду. Этот мир терзается злобой ненавистью и жестокой враждой. Человеческая история являет неприглядную картину беспощадной войны людей, племён, классов. Мир между людьми есть лишь краткий мир, передышка... Образ мировой гармонии есть образ умопостигаемого мира, упреждающий преобразование мира»** («Опыт эсхатологической метафизики»).

Н. Бердяев – человек «нездешний», «не от мира сего», он человек откровения, человек сверхкультуры, его трудно понять среднему человеку, «мирскому» и традиционному, приспособившемуся к объективному, обыденному миру. Философия Н. Бердяева осмысливает «последние», предельные вопросы (если таковые сегодня ещё для кого-то существуют): философия вечности, синтеза, преобразования времени в вечность. Она близка по духу восточным практикам просветления и парадоксов, ведущих к синтезу и цельности. Это философия преодоления обыденности и безысходности. **«Но цель моя была раскрытие мира свободы, не подчинённого рационализации и не объективированного. Позже, в последние годы, я пришёл к тому, что самое бытие не первично и есть уже продукт рационализации, обработка мысли, то есть, в сущности, пришёл к отрицанию онтологической философии. (...) В какой-то точке это было даже ближе к индустриальной философии»** (Н. Бердяев. «Самопознание»). Н. Бердяев подвёл черту под поисками всех философских смыслов. Он показал, что это – дело свободного выбо-

ра человека – заблуждаться, выбрав сознательно или бессознательно царство Кесаря (мир умственно-материальный), или раскрыть в себе духовную сторону, изменив сознание, расширив его, просветлив, а вместе с сознанием преобразив и сам мир в царство Духа.

* * *

Сила Н. Бердяева – в его страсти. Он сам создавал, что он «писатель эротический», а эрос есть главная страсть в человеке, все другие проявления – вторичные феномены трансформаций и трансмутаций эроса. Тут есть разные уровни проявлений эроса – от самого грубого до самого высокого, от физического до духовного. Сама святость есть только высший уровень эротизма, а просветление есть трансмутация умственного эротизма, как сам ум является трансмутацией эротизма эмоционального. **«Моя философская мысль была борьбой за освобождение, и я всегда верил в освобождающий характер философского познания. (...) Философия есть любовь к мудрости, любовь же есть эмоциональное и страстное состояние. Источник философского познания – целостная жизнь духа, духовный опыт. Всё остальное лишь второстепенное подспорье» («Самопознание»).** Вот мы добрались, кажется, до главного.

Русский человек жаждет правды, справедливости окончательной, полного братского равноправия и полной свободы, но он страшно эмоционален и все эти вещи воспринимает очень эмоционально. Из-за этого русский человек сильно подвержен эмоциональным воздействиям через простые умственно-идеологические и упрощённо-философские конструкции мыслей. Всяческие новые и свежие идеи чрезвычайно возбуждают его, и он склонен относиться к ним как к освобождающим откровениям, которые необходимо объявить всему миру и немедленно претворить в жизнь, а кто не согласится – объявить врагом истины и уничтожить, если не физически, то морально. Страсть сама по себе не даёт освобождения и истины, она даёт только силу для познания истины, для приобретения опыта, так же как и любовь к мудрости не даёт самой мудрости – это только обретение возможности и сила для реализации такой возможности. Любовь не к чему-то конкретно, а ко всему вообще, безобъектная Любовь, и есть настоящая Мудрость.

Марксизм привлек русского человека своей страстностью обличения буржуазных классов с их несправедливостью, обманом и эксплуатацией, привлёк эмоциональной тоталитарной умственностью,

безапелляционной однозначной простотой, легко выстраивающей простейшие умственные схемы на уровне лозунгов. И то, что марксизм-ленинизм-сталинизм после революции стал фактически тоталитарной религией в СССР – это тоже факт эмоциональной склонности к пафосности и преувеличениям, склонности к восторженности, к обличительству, к религиозной нетерпимости уже на новой, умственной основе.

Но ведь и СССР был во многом разрушен на той же основе. Достаточно вспомнить книгу А. Солженицына «Архипелаг Гулаг» – там же сплошные эмоции и пафос, страстные обличения и обвинения против лицемерия и неправды коммунизма, КПСС, против насилия социалистического общества над личностью и т. д. Эмоциональный пафос негодования против лжи и эксплуатации в капиталистическом обществе плавно перетёк в такой же пафос негодования против лжи и скрытой эксплуатации и насилия в социалистическом обществе уже в защиту прав личности и либеральных ценностей западной цивилизации, ставшей внезапно объектом неудержимого пафосного поклонения. Теперь, после двадцати пяти лет развала и хаоса буржуазного «счастья», мы опять с тем же неиссякаемым пафосом возвращаемся назад к идеализируемому и приукрашиваемому советским временам и идеям: маятник социально-политических эмоций и страстей качнулся снова в противоположную сторону. Умом-то все понимают, что это – очередная блажь и утопия, но ничего поделать не могут, так как это захватывает, увлекает, выстраивает потерянные было смыслы и цели. Есть желание движения и борьбы, а смыслы найдутся. Так создаются очередные исторические фикции, которые неистребимы на этом уровне в относительном историческом времени – о чём настойчиво говорит Н. Бердяев.

«В сущности, проблема социализма, перед которой стоит современный человек, – проблема «хлеба» и социальной справедливости – элементарна и относительна. Социализм, употребляя это слово в радикальном смысле, не может решить основных вопросов человеческого существования. После осуществления элементарной правды социализма восстанут с особой остротой самые глубокие вопросы для человека, и трагизм человеческой жизни станет особенно острым. Цели человеческой жизни духовные, а не социальные, социальное относится лишь к средствам. (...)

Людьми управляют не столько рассудительные интересы, сколько страсти. Исторически сложившиеся форм

власти есть всегда уже объективированные и рационализированные состояния и страсти. И это всегда означает создание мифов, без мифов нельзя управлять человеческими массами» (Н. Бердяев. «Царство Духа и царство Кесаря»).

Все народы эмоциональны, но почти все народы сумели приспособить свою эмоциональность к рационализированной обыденности, к «отражённому» свету «падшего» мира, а русские до сих пор пытаются преодолеть «мир», подсознательно не соглашаясь с его «неправдой», пытаются прорваться к миру настоящему, не падшему, к миру откровения, к «культуре света». Оттого у русских самый смачный и самый широкоупотребительный *мат*, вечная неустроенность быта и социально-политическая нестабильность, так как внутри, в подсознании, сохраняется рефлекс освобождения, «рефлекс свободы», желание вырваться в сверхсознание, в новый, вечный мир. Оттого этот вечный социальный «эксперимент» и острота эмоциональных реакций на неправду, несправедливость этого мира, со всеми эмоциональными переживаниями и переживаниями. За эмоциональностью прячется *огонь* духа, рождающий Душу, преодолевающий рациональную личность. Мат, нигилизм, пьянство есть попытка уйти от противоречий высшего (настоящего) и низшего («отражённого») миров, попытка закрыться от сильного давления *огня* на рациональную сферу жизни, попытка уйти в мир эмоций (мир до-рациональный), к которому мир высший (с какой-то стороны) ближе, чем мир рациональный – в нём люди всё же чувствуют иногда проблески единства, братства и свободы. Пусть этот мир ложный, но он ближе к природе и к древней цельности, он иллюзорен, но он ближе к огню, пусть огню искажённому и извращённому, чем рациональная отчуждённость, эгоизм, замкнутость. Это – вечный бунт русского человека против мира отражённого, паразитического рационализма. (Этот общий русский эмоционально-огненный импульс безусловной свободы наиболее ярко выражен в украинском национализме – яростном, иррациональном, анархическом, неконструктивном, антигосударственном, антирациональном, направленном против самого близкого и доступного «врага» – своего русского брата, соседа и защитника.)

Даже у самого Н. Бердяева главный надрыв в жизни связан с его страстной позицией персонализма, которую он так яростно отстаивал всю жизнь, за которую так яростно боролся со всем миром и готов был бороться с самим Богом, возвра-

тив Ему «билет в царствие небесное», поскольку «слезинка ребёнка» (с точки зрения личностной) осталась неискуплённой. Наверное, именно по этой причине Н. Бердяев был так известен и популярен в Европе – «свобода личности» есть главный плод культурного развития Запада, его культурный вклад в копилку общечеловеческого опыта. Николай Александрович попытался этот «вклад» «переварить» и трансмутировать интеллектуально, примирив личность с Богом в своей экзистенциальной персоналистической философии, поскольку своими корнями принадлежал старой Европе. С другой стороны, он был так же и очень страстным русским человеком, очень чувствительным, экзальтированным, тотальным в своей увлечённости. Утончённо-культурный европейский интеллектуал и страстный русский человек, склонный к тотально-религиозному видению, склонный к пророчеству и откровению.

Европейцы как-то слишком замкнулись в скорлупе самодостаточного интеллектуального и культурного индивидуализма, оторвавшись от прямых связей с природой, с космосом, с Богом, их восприятие стало вторичным, через посредничество старых культурных форм, интеллекта и технологий. Н. Бердяев пытался эту скорлупу преодолеть, растопить русской страстью к единству и синтезу, что-то ему удалось сделать в этом направлении, но слишком высокоинтеллектуальные философские идеи и тогда были не всем понятны до конца, а сегодня на уровне массового сознания и образования их понять, наверное, ещё сложнее, хотя основная направленность его мысли довольно очевидна, а энергетика этой мысли вполне ощутима. (Кстати, об эмоциональности. Одной из ярких творческих личностей, боровшихся с дурными иррациональными последствиями социальных страстей, был Л. Н. Толстой, который ясно увидел многочисленные «ляпы» и нестыковки со здравым смыслом во всех привычных традиционных идеологических конструкциях как в религии и политике, так и в науке и культуре. Да и все революционные настроения он понимал как тупиковые и бессмысленные. Но он смог лишь рационализировать эти проблемы с моральной точки зрения (и это очень важно до сих пор), но не сумел трансмутировать и преобразить свою мощную личность, хотя и был недалеко от этого (возможно, ему это удалось сделать в последнем предсмертном рывке к освобождению..)).

Но это проблема общая для всех нас, для всего общества: постепенно преодолевая эмоциональный уровень сознания, мы тут же попадаем на уровень рацио-

нальный, на уровень какой-то убогой, склеротической, старческой рассудочности, в порочный круг массовой бюрократизации общественного сознания, в плоский, горизонтальный слой массового умственного эгоизма. Такие социально-психологические процессы были очень хорошо прочувствованы и выражены Гоголем и Достоевским.

Обозначилась проблема задержки развития планетарного и общечеловеческого уровня. Вся наша старая история была, по существу, *эмоциональной*: нетерпимой, фанатической, воинственно-агрессивной, и все религиозные откровения человек приспособил под свои эмоции, личные и социальные. Но старый исторический цикл эмоционального развития окончился, и мы попали в ноосферный слой паразитического низкоментального планетного сознания, из которого нам необходимо выйти на более высокий уровень ноосферы, но для этого нужен сильный пассионарный толчок, новое откровение, открывающее пути вверх, мощный приток новых энергий, не столько эмоциональных или умственных, сколько духовных и огненных, которые человечество, конечно, тоже приспособит «под себя», но всё же на более высоком уровне.

По причине личностно-мужской позиции Н. Бердяев склонялся к христианству в его предельной, абсолютной форме *преображения-распятия-воскресения* (его относительная форма неизбежно приводит к историческому воинствующему христианству мужского личностного типа).

Н. Рерих склонялся к буддизму как к более мягкому варианту постепенного изживания всех конфликтов путём внутреннего прозрения-просветления, что выразилось в теософских взглядах «Живой Этики», где делалась попытка уравновесить мужское и женское начало на основе устремления к более высоким сферам, на основе сотрудничества с духовной Иерархией планеты. Но здесь тоже оказалось не всё гладко и ровно, как хотелось бы. Теперь уже воспрянула к активности женская личность, ранее подавляемая, со всеми своими обидами, претензиями и проекциями, что внесло существенный отпечаток на все стороны рериховского движения. Проявилась склонность к сектантству, фанатизму, к преобладанию догматических и авторитарно-личностных подходов к делу. Личность всегда стремится к самоутверждению, к выделению себя и своих увлечений из общей массы, к преувеличению собственной значимости, к навязыванию всем своих собственных мнений и интерпретаций, проекций. Всегда находится много людей,

поддерживающих своих лидеров слепо и безоговорочно желающих кому-нибудь поклоняться и путающих принципы духовной Иерархии с принципами личностной, бюрократической Иерархии. Но так было всегда, ничего в этом нет ни нового, ни удивительного. При всём том нельзя не признать, что влияние Н. Рериха и его семьи на культурное развитие человечества велико и многообразно, не менее, чем влияние Н. Бердяева на мировую философию, культуру и религию, особенно западноевропейскую, а теперь и российскую.

Нужно понять самое главное: все конфессии, все религии, все учения держатся на *людях откровения*, которые одинаковы в излучении мудрости, света, доброты, любви, в которых теряются исторические, национальные, личностные качества. Все религиозные, идеологические споры и вражда начинаются позже, когда последователи пытаются *опустить* сверхличностные энергии Учителей на личностный уровень понимания, когда последователи пытаются превратить Христа в христианина, а Будду в буддиста, Кришну в индуиста, а Магомета в мусульманина.

Поэтому нужно всегда помнить, что философия откровения пытается выстроить *канал связи* с миром высшим, соединить мир исторический с миром сверхисторическим, мир сознания и подсознания с миром сверхсознания, мир культуры с миром сверхкультуры. Вместе с тем нужно понимать, что никакие учения сами по себе ничего не значат, они могут только вызывать какие-то психические процессы в нас, в нашем сознании, давать толчок для внутреннего раскрытия, но работать должны мы сами, развивая эти процессы, усиливая, устремляясь, пробуждаясь, просветляясь и т. д. Учителя и учения могут дать только какие-то намёки, расставить опорные знаки на пути, но идти мы должны самостоятельно, не преувеличивая значение текстов, слов, идей, даже самых умных и сокровенных, не цепляясь за них.

Н. Бердяев никогда не был на Востоке, никогда не встречался ни с духовными лидерами, ни с просветлёнными людьми Востока, хотя довольно хорошо представлял себе философские основы индуизма и буддизма. Главное, что его отталкивало от них, так это их стремление к отрешённости, безличности, их кажущаяся бездеятельность и внеисторичность. В чём-то он был прав, а в чём-то неправ.

В массе своей Восток традиционен, безличностен, созерцателен. Из века в век родовые и кастовые традиции повторяются и продолжают, почти не меня-

ьясь: неподвижный дух окружает такую же неподвижную материю, неразвитую, спящую в одних и тех же формах, бесконечно рождающуюся и умирающую в механически повторяющихся циклах. Здесь царствуют Пространство и Вечность.

Восток вроде бы как духовен, но, фактически, высокие формы духа, высокие уровни духа доступны очень немногим мудрецам, йогам и просветлённым, основной массе формы глубокого древнего знания и откровения недоступны из-за низкого уровня образования, нищеты, кастового социального деления. Хотя потенциальная возможность просветления и духовного подъёма всегда существовала, и её использовали все те, кто мог и хотел использовать, а таких во все времена было немного, но они были, и число их понемногу росло, упорно, незаметно и неотвратимо. Старый цикл закончился, пришли новые идеи, новые энергии, новые люди – пришло время нового массового сознания, время *нового качества* этого массового сознания, более мобильного и высокого. Старый мир трещит по швам, рушится и плавится (по выражению Н. Бердяева). Рушится Восток и плавится Запад, меняется Россия, всё пришло в движение, все социальные формы всё больше перемешиваются, сталкиваясь, отталкиваясь, сливаясь, выпадая в осадок, мутируя. Вся наша планета меняется, переходя в новое качество, в новое измерение.

То, что Н. Бердяев решал на уровне философско-личностного откровения, Н. Рерих решал на уровне философско-культурного откровения, путём подчинения личности духовной Иерархии планеты, путём перенаправления и трансмутации низших страстей в общее русло духовной Культуры (по сути – сверхкультуры). У самого Н. Рериха не возникало противоречий между личностью и Целым вовсе не потому, что он обладал слабой личностью, совсем нет, просто сознание переросло личностный уровень. Н. Рерих познал и принял дух Востока прямо и непосредственно сам, сознательно и деятельно на всех уровнях, включив в эту деятельность свою личность, всю свою семью и все свои возможности.

Русская страсть Н. Рериха открыла человечеству дух Востока с новой стороны, в его высших измерениях, ранее замкнутый в себе и малодоступный. Рерихи открыли нам душу Востока и сумели одушевить Космос, наполнив его мыслью, сознанием, жизнью.

Мы можем увидеть здесь двойной прогресс преобразования личности: углубление всего исторического западного опыта и расширение всего духовно-культур-

ного опыта Востока. С одной стороны, русско-западный, углублённый взгляд Н. Бердяева, с другой стороны – русско-восточный, расширенный взгляд Н. Рериха: разные стороны Единого явления откровения, в котором субъект сливается с объектом, а философия становится живой мудростью.

Н. Рериха всё пытаются некоторые любители «подковырок» уличить в «подозрительной» тайной политической деятельности, в масонстве, в конспирологии, в попытках навязать политическим лидерам какие-то утопические религиозные идеи, в сотрудничестве с разведслужбами разных стран и т. д. Когда кто-нибудь высоко летает, многие хотят подняться до этих же высот, но не у всех получается, и тогда они свою неудачу пытаются объяснить некачественной сущностью этой, недоступной им, высоты. Здесь не нужно много мудрить, всё достаточно просто: время от времени делается очередная попытка привнести в нашу дурную политику свежий и чистый элемент духа, элемент души, красоты, любви, мудрости, элемент высокой Культуры, Культуры откровения, в её вечном, световом, просветляющем качестве. Почему-то это вызывает у некоторых людей озлобление, раздражение, неприятие, желание искать «компромат», попытки «разоблачения». А ведь давным-давно пора очеловечить, очистить, высветлить всю человеческую историю бесконечных войн и политику бесконечного эгоизма, отчуждения и дурных страстей. Давно пора перенаправить все основные финансовые потоки с пути развращения человечества на путь возвышения его жизни и сознания. Давняя история с предательством Х. и с коррупцией в кабинете министров США как раз ведь имеет те самые источники в попытке Н. Рериха внести в политику и экономику духовный элемент. И несмотря ни на что, этот элемент туда проник и там присутствует, пусть не так явно, как хотелось бы. То же самое было в истории с азиатской экспедицией – в попытке объединения нескольких азиатских государств с Россией и частично с Западом, на духовной основе буддизма с элементами христианства. Народы этих стран во многом были готовы к такому единству, но их лидеры оказались пока не готовы. Ну, так что ж, они будут готовы, может быть, завтра или чуть позже. Наметились зато какие-то пути к лучшему, и эти наметки остались в памяти и когда-нибудь пригодятся.

Только с этой, с духовной позиции можно и нужно рассматривать деятельность Н. Рериха и его семьи, тогда отпадет необходимость что-то домысливать,

придумывать, интерпретировать и пере-
вирать. Другое дело, что многие последо-
ватели духовных учений имеют склон-
ность «перегибать палку» в своих пристра-
стиях и увлечениях, имеют склонность пе-
ремешивать идеи учений со своими лич-
ными амбициями, фантазиями и домыс-
лами, с романтическими проекциями, аг-
рессивным слепым фанатизмом и про-
сто с глупостью. Все мы, конечно, люди, и
всем нам свойственно иногда заблуждаться,
страдать болезнью эгоизма, преувели-
чения, нетерпимости. Но это вовсе не
означает, что всё высокое, чистое и свя-
тое есть только чья-то фантазия расстро-
енного воображения. Впрочем, разгово-
ры и споры на эти темы имеют мало смыс-
ла, к сожалению, и каждый остаётся при
своём, пока сам конкретно не ощутит вы-
сокие энергии внутри себя. Умозритель-
ность и умствование ничего не решают по
существу, а могут только обосновывать уже
выбранное заранее решение. Тут надо бы
ещё заметить, что все духовные учения
могут возникнуть только при посредниче-
стве учеников, при их непосредственном
участии, что вносит элементы определён-
ного эмоционально-умственного искаже-
ния и временной фактор относительности,
как в общем-то и любые слова и мыс-
ли. **«Мысль бессловесная гораздо мощ-
нее, в ней явлена более чистая стадия
Огня. Можно заметить, как мысль бес-
словесная совершенно освобождается
от условий стеснений языком. Она при-
ближается к языку огненному, но умно-
жает мощь свою. Мы шлём огненные
мысли, их понимают огненно. Можно на-
звать это понимание чувствознанием, но
как причину можно называть язык Огня.
Мы как бы получаем радио не из Тонко-
го Мира, но из Высших, Огненных Сфер.
Мир Огненный прежде всего в нас са-
мих, только бы распознать его Обитель.
(...) Словесная шелуха скорее отдалит,
нежели приблизит к Миру Огненному»**
(«Мир Огненный»).

Н. Рерих этически и эстетически фор-
мирует новую личность, усиливая Женс-
кое начало планетарного уровня на ос-
нове ученичества и служения. Это попыт-
ка упорядочивания, очищения, перенап-
равления эмоциональной стихии плане-
тарного сознания на более возвышенный
и чистый процесс воспроизводства форм
и отношений между Мужским и Женским
началами. Переориентация женского
творчества с семейно-родового, замкну-
того и подчинённого мужскому началу
рода на расширенное понимание твор-
чества как культурного служения челове-
честву и духовной Иерархии, освобожде-
ние пола от оков грубой материальности
и низкой ментальности.

И опять-таки нужно понимать все эти
вещи не как что-то окончательное и зас-
тывшее, абсолютно непререкаемое, а как
одну из попыток человеческого Разума
выйти из старой скорлупы узко-рацио-
нального мышления. Беда всех таких ве-
ликих экспериментов, что их последо-
ватели постоянно пытаются абсолютизи-
ровать относительное, умертвить живое,
слишком эмоционально-ревниво и нетер-
пимо продолжая дело своих учителей и
лидеров, ничего не видя вокруг позитив-
ного, кроме своих собственных знаний и
усилий.

Интересно, что символ огня присутству-
ет также и в размышлениях Н. Бердяева.
**«Есть огонь испепеляющий, истребляю-
щий, и есть огонь очищающий и творчес-
кий. Иисус Христос говорил, что Он при-
шёл низвести огонь с неба, и хотел, что-
бы он возгорелся. Огонь есть великий
символ первоначальной стихии миро-
вой и человеческой жизни. Противоре-
чия, из которых слагается жизнь миро-
вая и человеческая, связаны с огнен-
ной стихией, которая есть и в самом
мышлении. Творческая мысль, которая
знает противоречия и движется ими,
есть огненная мысль. (...) Но пламенная,
огневая основа мира, к которой человек
лишь редко прорывается через обыден-
ность, к которой прорывается гений, по-
рождает страдание. Страдание может
губить, но в страдании есть глубина, и
оно может прорвать застывший мир обы-
денности»** (Н. Бердяев. «Опыт эсхато-
логической метафизики»). На основе по-
нимания сущности страдания выстроено
и Учение Будды как Четыре Благодородные
Истины и Благодородный Восемеричный
Путь. В современной же цивилизации че-
ловек пытается спрятаться от страданий
за культивированием поверхностной рас-
судочности и лихорадочной погоней за
удовольствиями и т. д. Мир боится огня и
прячется от него, избегая даже обсуждать
подобные темы – это считается дурным
вкусом и нездоровой тенденциозностью.
Познание Истины освобождает, но оно
может быть очень болезненно. **«Истина
есть конец этого объектного мира, она
требует согласия на этот конец. Такова
Истина христианства, свободного от со-
циальных приспособлений и искаже-
ний. Но такова, в сущности, и Истина, при-
открывавшаяся мессиански-пророчес-
кому сознанию древнего Израиля, рели-
гиозной философии Индии, персидской
дуалистической эсхатологии и многим
мыслителям – Платону, Плотину, Экхар-
дту, Я. Бёме, Паскалю, Канту, Шопенгау-
эру, Киркегардту, Достоевскому, Л. Тол-
стому. (...) В каждом подлинном акте по-
знания наступает конец мира, конец по-**

рабошающей объектности) («Опыт эсхатологической метафизики»). Давно бы всем нам следовало научиться терпимости и позволить всем другим народам иметь своих пророков и мудрецов ничем не хуже наших, позволить другим иметь свои каналы связи с высшим миром, с Богом, с Миром Огненным, позволить им иметь право на *откровение*. Не нужно всё-таки быть столь ревнивыми к Богу, как это часто случается, Его на всех хватит.

Культурное воздействие на развитие человека носит характер *эволюционный*, постепенный, формирующий, охраняющий, женственный. Это – почитание, преданность, традиция, идеал.

Действие огня *революционно*, огонь обжигает, обостряет, ломает все запреты, традиции, уничтожает все границы, его действие ближе к мужскому принципу. Это – подвиг, экзальтация, сверхнапряжение, откровение.

В философии Н. Рериха огонь откровения находится во всех высоких культурных формах общечеловеческого сознания, а в философии Н. Бердяева этот огонь содержится в самом интеллектуальном методе познания, который пытается разорвать обычные философские формы выражения и выйти за их границы.

Но всё по-настоящему огненное и сокровенное трудно приживается в этом мире обыденности. Это удел всех откровений, всех сокровенных учений: пока исторический, объективный мир существует, он будет стремиться существовать в рамках посредственности, усреднённости. Но откровения и сокровенные учения всё же не пропадают зря – они готовят нас к великим переменам и понемногу повышают средний уровень от полного невежества к невежеству неполному и частичному, а это уже кое-что, это уже хорошо.

Философия для Н. Бердяева имеет смысл не отвлечённо-теоретический, а живой смысл проживания истины, постепенно, а иногда и мгновенно, открывающей себя, свои тайны. Это уже не просто познание, это любовь, любовь к мудрости. **«Подлинный философ – человек влюблённый, избравший предмет познавательной любви. (...) Философское познание как творческий акт есть брак по любви» («Смысл творчества»)**. Н. Бердяев влюблён в мысль, в философию, в мудрость. Читать его, пытаться найти в текстах ответы и решения, которые можно использовать в конкретно-практической жизни *этого* мира, – бесполезно. Можно только попытаться заразиться его страстью к преображению мира в процессе познания, любовью к истине. Чтобы понять Бердяева, нужно основательно пе-

ретрясти все свои знания и принципы, готовые схемы и мировоззрения, нужно изменить себя, воспламенить себя, прикоснувшись к откровению. Настоящая философия должна не просто объяснять, а воспламенять, вносить свет и огонь, будить человека, будить в нём его собственный внутренний огонь.

То же самое можно сказать и о творчестве Н. Рериха, влюблённого в Культуру, в искусство, в живопись. И это тоже любовь к мудрости, любовь к Софии Премудрой и Огненной. Н. Рерих посредством действия, посредством слова и мысли, посредством живописи преображает себя и мир актом творчества – это его любовь, его жизнь, его философия откровения. Чтобы понять Н. Рериха, как целостный творческий акт всей его жизни, нужно проникнуться, вчувствоваться, полюбить, погрузиться в стихию мысли или в стихию красок, только тогда это зажигает. Иначе всё бесполезно, малопонятно и неинтересно. **«Так каждое огненное слово сердца, идущее на очищение Учения, есть стимул огненный, который даст сдвиг сознанию. Потому утвердимся сознанием на мощи Равновесия как стимуле Бытия, Начал и Красоты» («Мир Огненный»)**.

Н. Рерих утверждает новое Женское сознание, Н. Бердяев утверждает новое Мужское сознание, они дополняют друг друга, утверждая разные стороны одного Бытия.

Говоря о Н. Рерихе, нужно всегда помнить, что речь идёт о всей семье Рерихов, и о Е. И. Рерих и о её сыновьях, их невозможно разделить, это – одно целое, здесь присутствует Равновесие Начал. **«Потому так необходимо утверждать в духе Начало Женское. Ибо Знамя великого Равновесия Мира дано поднять женщине. Так настало время, когда женщина должна завоевать право, от неё отнятое и которое она отдала добровольно. Сколько мощных рекордов наполняют пространство достижениями Женского Начала! Как Учитель творит через учеников, так женщина творит через Мужское Начало. Потому женщина огненно возвышает мужчину. Потому и вырождение, ибо без истинного рыцарства дух не может подняться» («Мир Огненный»)**. Женское Начало более универсально, чем Мужское, которое стремится к разделению и выделению частей из Целого, стремится к углублению и анализу. И только на основе Женского Начала возможен синтез всех частей в Единство, но, конечно, при условии Равновесия.

Женщине естественнее и легче сдать себя Богу, принять духовную Иерархию и слу-

жить ей. Мужчина пытается сам стать Богом и Иерархией и потому часто настроен скептически и воинственно ко всем «конкурентам» в борьбе за власть над женщиной и миром. Но мир будущего – это мир Женщины, мир Культуры, мир «Живой Этики», мир более высоких отношений между материей и духом, между женщиной и мужчиной, это мир «богораждающий», мир «Матери», стремящейся стать «Девой». Это – Срединный Путь, он более универсальный и всевещающий, более постепенный и эволюционный.

Мужчина всё обостряет и доводит до предела, до высшей степени обострения, до революции, и только пройдя через кризис, через смерть, через апокалипсис, он может достичь единства, воскресения в новом качестве целостности и соборности сознания. Это этика сверходиночества и сверхличности, путь чистого духа, путь воина-аскета, этика Распятия, высшая этика Христа. **«Но Царство Божье совсем не есть царство посястороннего добра, оно есть царство сверхдобра, в котором результат и испытания свободы имеют иные образы, чем образы в мире сём. Отсюда вытекает совсем иная этика жизни в этом мире, переоценка ценностей. (...) Для того чтобы зло было побеждено, добро должно распять себя. «Добро» является в новом аспекте: оно не «злых» обрекает на вечные муки, а распинает себя. «Добрые» не обрекают «злых» на ад и не ищут в этом своём торжестве блаженства, а сами спускаются в ад с Христом для освобождения «злых». (...)**

Злые и находящиеся в аду могут быть приведены лишь к сверхдобру, т. е. введены в Царство, лежащее по ту сторону добра и зла, в котором нет уже ни нашего добра, ни нашего зла. (...)

Пусть «добрые» перестанут быть возвышенными, идейными мстителями. «Добрые» должны и на себя принять судьбу «злых», разделить эту судьбу и тем способствовать их освобождению («О назначении человека»).

Есть древняя история о том, как Шива и Шакти сидели на берегу реки с названием Вечность и немного скучали. Шакти решила как-то растормошить Шиву и улыбнулась ему. Увидев её прекрасную улыбку, Шива вдруг заметил, как она очаровательна, и тоже улыбнулся ей в ответ своей солнечной и огненной улыбкой. Сила и страсть его улыбки отразились в глубоких глазах Шакти и проникли через неё в воздух, воду и землю нашей планеты. Так родился наш мир и человечество, а Шакти стала Матерью Мира. Но люди разделились на группы, роды, касты, стали ссориться и бороться друг с другом.

И тогда Шива сказал Шакти: «Одни люди поклоняются Мне и обретают освобождение, другие поклоняются Тебе и тоже достигают освобождения, но они никак не могут договориться между собой. Давай разделим наших последователей на две группы, и пусть каждая спокойно следует своему пути. Одни будут служить Мне и говорить: «Ты есть»; другие будут служить Тебе и говорить: «Я есть». Одни будут служить Богу, другие – своему Высшему Я. Может быть, тогда они перестанут спорить, чья вера правильнее и истиннее, научатся уважать, понимать и любить друг друга».

Человеку и человечеству невозможно избежать ни одного из этих путей, на вершине познания они сливаются и проникают друг в друга, пропитываются один другим. Конечно, для мира паразитической рациональности ни мира Н. Рериха, ни мира Н. Бердяева вовсе не существует. **(«Шамбала – последняя игрушка российской интеллигенции». О. Шишкин и др.).** Мир «гламура и дискурса» загнал себя в тупик «красивого разложения», в котором радостно резвится, в глубине чувствуя отсутствие почвы и надвигающийся ужас и потому отталкиваясь от глубины. Но сила, сила огня, идущая из этой глубины, будет расти и увеличиваться, пока не достигнет поверхности и не сожжёт её. И в этом не будет никакой мстительности и злорадства, это коснётся одинаково и «добрых», и «злых», грешных и святых, но пена осядет, мусор сгорит, а глубина и высота останутся в вечности и продолжат или начнут снова строить новый лучший мир и новое сознание человека.

Новый мир возможен только через новое сознание, нельзя построить новый мир, обладая старым сознанием – «благо» невозможно сотворить «злыми» путями и средствами, но вся человеческая история состоит из попыток сделать «добро» насильно, принудительно. **«Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо. Это обыкновенно означает не излучение благодной энергии, преобразующей человека и человеческое общество, а скорее излучение злой энергии для осуществления благодной цели. (...) Средства в гораздо большей степени заполняют жизни людей, чем цели, которые могут делаться всё более и более отвлечёнными. (...) Это связано прежде с проблемой времени, со взглядом на настоящее не как цель в себе, а как на средство для будущего, для такого будущего, которое никогда не наступает. Сила и польза ставятся выше духа и истины. Достаточно обнаружено, что нельзя осуще-**

ствить братство людей без творческого излучения в применяемых средствах.

Преображающую же правду нужно видеть не столько в том, чтобы человек ставил себе благостную цель, осуществляя её средствами, не похожими на цель, сколько в том, чтобы он излучал благостную энергию» (Н. Бердяев. «Царство Духа и царство Кесаря»).

Здесь есть противоречие между устремлением в будущее, на котором настаивает Н. Рерих и «Живая Этика», и вечностью просветлённого сознания (в котором нет ни будущего, ни прошлого), которую даёт нам этика Н. Бердяева. И Бердяев здесь очень близок к пониманию просветления во всех восточных духовных практиках, даже современных. И он совершенно верно видит прямую связь в этом между христианством и просветлением «повосточному»: **«Но то, что называют благодатью, действует внутри человеческой свободы как её просветление» («Царство Духа и царство Кесаря»).** Тут нужно опять подчеркнуть, что этика Н. Бердяева ближе к этике мужского типа, это этика эсхатологическая, окончательная, завершающая, углубляющая и обостряющая до катарсиса, она революционна, хотя и стремится по-своему к единству. Этика Н. Рериха ближе к этике женского типа (если ещё учесть, что «Живая этика» написана Е. И. Рерих), к этике эволюции, расширяющей, планетарной, поэтапной, не исключающей мужское видение, но уравнивающей его.

Пространство, дух, вечность – это Мужское и Восточное ощущение. Время, материя, изменчивость, развитие, история – это Женское и Западное ощущение (каким бы «мужским» Запад себя не считал, склонность к материальному и историческому относит его ближе к женскому началу, чем к началу мужскому, хотя всё это только в определённом смысле и на определённом уровне). В России планетарное Сознание пытается достичь равновесия этих Начал, склоняясь то к Западу, то к Востоку, то к Времени с его историей и бешеной скоростью развития, то к Пространству с его вечностью и неподвижностью, то сжимаясь в Центр, то расширяясь во все стороны.

Главное противоречие у Н. Бердяева, довольно болезненное и острое, возникает как раз на почве его заострённо-мужской позиции, на почве сильнейшей мужской личности, которую, надо признать, он всю жизнь пытался перебороть и трансмутировать. Это противоречие связано с христианством, как религии личности, причём личности мужского типа, патриархально-воинственного типа. Но личность есть порождение общества, и

без общества личность невозможна, это отражение общественного сознания, величина временная, историческая и относительная. Просветление – это выход за пределы исторических, относительных, социальных ценностей, правил и моралей. Когда все люди станут просветлёнными, они избавятся от личности, и общество в историческом времени перестанет существовать. Тогда наступит *братство* – единство в духе и свобода, тогда законы и насилие будут не нужны – каждый человек будет частью общего Сознания планеты, частью соборного Сознания или частью Сознания Бога.

Личность необходима обществу и в обществе, как скорлупа, сдерживающая, с одной стороны, низшие проявления природных стихий и инстинктов, а с другой стороны, сдерживающая высшие огненные энергии, не давая им раньше времени сжечь человека и общество, ещё не готовых для этого. Это – переходная ступень развития, не более того. Историческое христианство заострило ситуацию в мире, создало поле борьбы между язычеством Старого завета и Благой вестью Нового завета. Сама История является социальной сущностью, порождённой развитием и противоречием личности: противостояние царства Кесаря и царства Бога. Это есть конфликт внутренний, психологический, который создаёт личность. Борьба нижней природы под-сознания с высшей природой сверх-сознания, борьба био-сферы с лого-сферой, в результате чего появляются все переходные уровни и сферы – личность, эго-ум, ноо-сфера – переходные звенья развития, подготовительные и временные. **«Сознание, что дух в зерне своём содержит то качество Света, которое может возжечься в устремлении, истинно, может служить вечным двигателем к восхождению. Каждый дух должен чутя это единство со Светом, которое огненно живёт в зерне («зерно» – ведь это и есть личность, сдерживающая дух. – Е. В.)**

Сущность человека может быть трансмутирована вызыванием лучших вибраций. (...) В настоящее время человечество находится в постоянных вибрациях низших сфер, потому Манас низший напрягает жизнь. Прикосновение Луча Высших Сфер именно даст ту вибрацию, которая разбудит сознание. Очувствование искры Божественного Огня в зерне духа положит основу новому человечеству» («Мир Огненный»). «Живая Этика» выводит проблемы развития субъекта на уровень проблем развития субъекта-объекта. Космическое и планетарное из области отчуждённо-объективной переходят в область объективно-

субъективную, одушевлённую и очеловеченную, в область, где планетарно-космическое сознание становится частью общечеловеческого сознания и наоборот. Так, мы разбиваемся по двум направлениям одновременно, которые тесно переплетены между собой. Восток смыкается с Западом, буддизм смыкается с христианством, мужское – с женским и т. д. **«Но ошибочно противоположение созерцания и действия, взаимное их исключение. (...) Созерцание есть высшее состояние, оно есть самоцель и не может быть средством. Но и созерцание есть творчество, активность духа, с преодолением трудности и беспокойства»** (Н. Бердяев. «О назначении человека»). Вот и Н. Бердяев говорит нам о том же, о диалектическом единстве противоположностей.

Нетрудно увидеть, что самоутверждение личности прямо связано с её признанием в обществе: с занимаемой должностью, с доходом, с образованием, с социальным статусом, с имеющимися связями и т. д. Принц Сиддхартха был сильной личностью, пока занимал своё место царевича и пользовался всеми благами, которые давало это место. Когда же он стал нищим монахом, он перестал быть личностью (разве только в монашеской социально-религиозной среде, и то пока не стал просветлённым). Христос перестал быть личностью, когда добровольно пошёл на крест, отказавшись от себя. Святыми и просветлёнными люди становились только после того, как преодолевали свои личности. Сегодня мы видим, как рождаются личности олигархов, чиновников, президентов, премьеров, бизнесменов, актёров, музыкантов, певцов, художников, писателей и т. д. – они создаются деньгами, властью, вниманием общества. Не будет внимания, власти и денег – не будет и личности, она перестанет существовать. Так случилось, например, с Наполеоном, когда из великого полководца-императора он вдруг превратился в ничтожество, а таких примеров много. Лев Николаевич Толстой, наоборот, всю жизнь мечтал избавиться от своей могучей личности («какой матёрый человекиче!») и внимания общества, но никак не мог, слишком крепкие социальные связи держали его, слишком большой авторитет он создал своим писательством. Вот так. Стоит над этим поразмышлять, много интересного откроется. Личность есть временное, преходящее, иллюзорное явление, она основывается на воспоминании о прошлом или на устремлении к воображаемому будущему, вечно-настоящему в ней нет. **«Время есть мука и кошмар нашей посюсторонней жизни. Мы**

устремлены к прошлому в воспоминании и к будущему в воображении. В воспоминании прошлое пребывает в настоящем, и в воображении будущее пребывает в настоящем. В этом парадокс времени. Мы ищем вечного настоящего как победы над смертоносным потоком времени, и для этого мы постоянно выходим из настоящего в прошлое и будущее, точно в прошлом и будущем можно уловить вечное настоящее. Поэтому, живя во времени, мы обречены никогда не жить в настоящем. В устремлении к будущему, характерном для нашего зона, происходит ускорение времени, при котором невозможно остановиться в настоящем для созерцания вечного» (Н. Бердяев. «О назначении человека»).

Здесь имеется ещё один аспект – эротический, сексуальный. На уровне личности человек поднимается над родовыми отношениями, более примитивными и биологическими, он возвышается до человеческой, личностной любви и тем острее начинает осознавать безнадёжность своего положения, временный характер эротических отношений на личностном плане. И только тогда возникает желание вырваться из иллюзии времени и личности, но до этого уровня нужно ещё добраться. Именно поэтому эволюция и революция дополняют друг друга и не могут существовать одна без другой. В прошлой цивилизации происходило становление личности мужского типа, в будущей цивилизации будет происходить становление личности женского типа, а на этом фоне – одновременное преодоление личности как таковой на планетарном уровне и рождение общечеловеческого просветлённого Сознания.

«На вершине истории происходит окончательное раздвоение. Человек волен пойти путём самоподчинения себя высшим божественным началом жизни и на этой почве укрепить свою человеческую личность и волен подчинить и поработить себя другим, не божественным и не человеческим, а злым сверхчеловеческим началом» (Н. Бердяев. **Смысл истории**). Укрепление личности, усиление личной воли и интеллекта есть усиление отчуждения от Целого, т. к. само существование личности зависит от её отталкивания от массы, выделения из массы.

На каком-то уровне это хорошо и полезно, чтобы выделить себя из всей глупости мира, из рабского подчинения миру, из омута человеческого невежества, из болота низших страстей полуживотного существования. Чтобы стать человеком, необходимо стать *личностью*, но чтобы пойти выше и прикоснуться к божествен-

ному, нужно преодолеть личность, нужно переориентировать личность на служение не себе, любимой, а Целому и Высшему. Но можно также продолжать всячески укреплять и усиливать личность, усиливая отчуждение от Целого, пытаясь подчинить мир и менее развитое человечество своей воле и интеллекту, не разбирая особо средств и методов достижения своих личных, лично-клановых, лично-классовых, лично-национальных интересов. Здесь можно легко увидеть, что любые эгоистические групповые интересы всегда связаны с эгоизмом личностей, составляющих эти группы: они всегда агрессивно настроены по отношению к чужим и всегда аргументировано могут обосновать свои претензии, хотя сами эти претензии иррациональны по существу, на каком-то глубоком эмоциональном уровне. Так проявляет себя «религиозный» эгоизм человеко-бога. **«Происходит порабощение человеческой личности природой и общественной средой... Сама эта неудача указывает на то, что высшее призвание человека и человечества – сверх-исторично, что возможно лишь сверх-историческое разрешение всех основных противоречий истории... Не случайно на вершинах русской религиозной философии мысль всегда была обращена к Апокалипсису»** (Н. Бердяев. «Смысл истории»). Всё это верно только с небожыми оговорками: мы слишком торопимся с окончанием *всей* истории, как будто бы больше и *некуда* будет развиваться, а на деле-то происходит целая серия «апокалипсисов» разной величины и даже внутри одного большого цикла идёт постоянная смена более мелких подциклов.

Человеку трудно правильно воспринимать планетарно-космические масштабы развития – он ориентирован на себя, на свою конкретную жизнь и всё меряет по этому личному масштабу времени и пространства. Широко и непредвзято мыслить трудно, и мало кому это удаётся. Но жизнь человеческой личности – только миг, она быстротечна и трагична, всегда заканчиваясь болезнью и смертью, она конечна и временна, но страстно хочет вечности, бессмертия, беспредельности – отсюда все мечты, утешительные религиозные проекции. Невозможно для личности смириться со своей конечностью и относительностью. Но преодолеть время и смерть можно только преодолением личностного сознания и выходом за его рамки, что и будет выходом за рамки времени, за рамки смерти. С этим восточно-эзотерическим положением Н. Бердяев смирился окончательно так и не смог, всегда боролся с ним и всегда страдал от

этого внутреннего конфликта. Но это – его судьба. В ней воплотилась и судьба старой культурной Европы, судьба европейской культурной Личности, которая тяжело умирает в современной цивилизации вместе со всей своей старой историей.

Личность самоутверждается, преодолевая традиции, отталкиваясь от толпы, от массы, но после того как она достигает признания и относительной материальной свободы, она начинает уже поддерживать традиции, законы, порядок, чтобы держать массы под контролем, не позволяя слишком большому количеству личностей развиваться и составить конкуренцию существующей элите. Но со временем процесс нарастает и становится малоуправляемым, старые традиции не вмещают новых массовых форм сознания, появляются другие формы, начинается борьба старого с новым и т. д. В числе этих новых социально-психологических, религиозно-философских форм вошла и теософия – «божественная мудрость», которой придерживался Н. Рерих и его семья. Н. Бердяев, считая себя теософом без принадлежности к каким бы то ни было ортодоксальным теософским учениям, критиковал многие подобные течения и, надо сказать, по делу, хотя и преувеличивая, как всегда, значение личности. **«Для меня нет более антипатичной идеи, чем идея растворения человека в космической жизни, признанной божественной. (...) Человек не исчезает, он обоживается, но наследует свою человечность в вечной жизни. (...) Моя критика оккультизма, теософии и антропософии связана с тем, что все эти течения космоцентричны и находятся во власти космического прельщения, я же видел истину в антропоцентризме и самое христианство понимал как углублённый антропоцентризм. (...) Свободы духа я не видел у людей, увлечённых оккультизмом. Они не владели оккультными силами, оккультные силы владели ими. Антропософия разлагала целостность человеческой личности, потрошила не менее психоанализа. Некоторые антропософы производили на меня впечатление людей одержимых, находящихся в маниакальном состоянии. (...) Верующие антропософы гораздо более догматичны, гораздо более авторитарны, чем самые ортодоксальные православные и католики»** (Н. Бердяев. «Самопознание»).

Очень интересны и важны эти замечания Николая Александровича. Всё же здесь речь идёт, видимо, не совсем о личности, а о равновесии различных сил в человеке, в человеческом сознании, о подчинённости этих сил единому центру

сознания, единому «хозяину». Ведь и у самого Николая Александровича, о чём он тоже писал, в сознании присутствовало несколько разных уровней или «этажей», он был очень противоречивый и не слишком гармоничный человек. Всю жизнь он страдал от этого, спасаясь творчеством. Но он мог подчинить все эти силы и влияния волевому центру личности, который в нём был силён и ярок. Вообще, среди массы людей редко можно встретить тип гармонической личности *высокого* уровня, духовного или хотя бы высокоинтеллектуального уровня. У всех гениев и великих людей всегда была масса недостатков и перекосов. Дело всё же, наверное, в том чтобы существовало качество основной творческой направленности жизни, а требовать от него полной гармонии невозможно. Воплощённый человек всегда негармоничен и противоречив, а его жизнь есть *попытка* все страсти и противоречия уравновесить, привести в состояние равновесия и гармонии.

Н. Бердяев сторонник *окончательно-го* апокалипсиса, за которым следует окончательное преображение человека, когда он сливается с Богом, с Духом в высшей точке развития. Но так никогда не бывает (сколько раз человечество ожидало последнего «конца света» на протяжении истории!), нам предстоит пройти несколько частичных «апокалипсисов», прежде мы доберёмся до главного и окончательного. Николай Александрович склоняется к точке зрения ортодоксального христианства (хотя и с мистическим налётом), в которой Бог – Личность Высшая, а человек – личность попроще, и на личностном уровне Бог и человек встречаются в день Страшного Суда или окончательно расходятся. Но мы сегодня должны уже понять, что предварительных «встреч» ещё будет много, прежде чем случится последняя. Мы ведь давно уже всё ждём и ждём «окончательного решения», а его всё нет и нет – всё какие-то временные решения и тактические, и опять нужно приспособляться то к очередному Кесарю, то к дьяволу, к «князю мира сего», а Бог постоянно опаздывает и не очень торопится, видимо сильно занят, не до нас Ему. Ведь мы очень хотим и надеемся, что Он решит все наши проблемы, если мы будем «хорошими мальчиками и девочками», будем молиться и верить, тогда Он нас наградит, а наших врагов накажет, и всё будет хорошо. А Он – не хочет делать так, как хотим и мечтаем мы, Он, может быть, терпеливо ждёт от нас самостоятельности – чтобы мы изменились сами и изменили сами свой мир, в котором живём. Он только иногда подсказывает нам что-то, намекает нам

на что-то, слегка подталкивает нас, а случается – и сильно, если мы уж совсем заблуждаемся не туда.

Тут, пожалуй, теософы более правы оказываются, чем ортодоксы-традиционалисты, несмотря на всю их «отвлечённую умственность», «наивную космичность» и чрезмерную пафосность и восторженность – всё это, как водится, «перегибы на местах».

Теософия – попытка создать новую форму понимания современного мира, который очень сильно изменился за последние столетия и меняется всё быстрее и быстрее. Появилось множество совершенно новых явлений в природе, в обществе, в человеке, которых никогда раньше не было или не наблюдалось. Прежние формы религии, науки, культуры, философии, методов познания не справляются с этими новыми явлениями жизни. Поэтому и требуются какие-то новые методы понимания и более расширенного взгляда на происходящее, что и пытается сделать теософия. Нужно рассматривать этот новый метод познания именно как попытку выработать более широкий и объёмный взгляд на космос, общество и человека, но не как последнюю, окончательную абсолютную истину. Последователи всех новых учений всегда склонны преувеличивать, абсолютизировать свои учения и агрессивно отстаивать их правоту, но так ведь было во все времена – иначе никак не пробить, не поколебать устаревшие знания, традиции, устоявшиеся и удобные, но задерживающие развитие. Круговую поруку старых истин ничем не прорвать, кроме как яростной борьбой и огненной мыслью – ни логика, ни здравый смысл тут не работают, старый мир не реагирует ни на доказательства и аргументы, ни на прямые демонстрации своей неправоты, он понимает только силу конкретного действия, силу конкретного воплощения новых идей в конкретной жизни, которым он сопротивляется изо всех сил сколько может, а потом уже мирится, хотя и с трудом, со свершившимся и неизбежным.

Любые учения и откровения нужно воспринимать как своеобразные уроки для пробуждения в себе лучших качеств ума, любви, мудрости, а не как средство для личного возвышения, для усиления амбиций и претензий на мудрость. Настоящее Учение (как и философия откровения) – волшебный, магический кристалл, при соприкосновении с которым происходит или не происходит трансмутация, преображение. Но сами по себе слова, какими бы красивыми и правильными они ни были, ничего сделать не могут, делает сам человек, неустанно работающая над

собой, тогда магический кристалл производит нужное воздействие. Не слова учения возвышают человека, не принадлежность к какой-то идее спасает его, а только собственные усилия, внутренняя работа. Учение оживает и обретает смысл только при помощи ученика, посредством ученика, а не наоборот. Защищая букву учения, мы чаще всего защищаем только своё собственное искажённое представление, свою позицию, свою личную правоту, а на деле личный эгоизм, который потом легко переходит в групповой. Все хотят синтеза, но только на основе *своей* ортодоксии, только на основе своей религии, своей идеологии, своей позиции. Так, личность борется с душой, Запад – с Востоком, мужчина – с женщиной, субъект – с объектом.

* * *

Откровение приносит энергию, свет, огонь из другого мира, из высшего мира, и оно обжигает мир, создаёт точку напряжения в теле обывденного мира, и у мира тогда начинаются судороги, конвульсии. Возбуждение волнами начинает исходить из точки напряжения и распространяться по всему мировому телу – по его крови и нервам.

Религия упорядочивает влияние откровения, создавая ритм, ритуал, структуру, форму, первичную рационализацию, мифологию.

Культура сглаживает яростный фанатизм первоначальной религии, украшает, смягчает, приспособливает к обществу, к повседневной жизни, добавляет романтизма, радости, красоты, развлечения. Внутри культуры происходит движение социальных энергий от духовно-эмоционального уровня через интеллектуально-эмоциональный к рационально-эмоциональному. Здесь уже начинается цивилизация.

Цивилизация теряет духовные корни откровения, религии и культуры. Она создаёт массовое сознание и рассыпает его на множество всё более мелких рационально-эмоциональных структур, раскрашенных, но пустых. Это и есть окончание цикла, который начинался с откровения, разгорался огнём религии, рождал тепло и свет Культуры, а теперь рассыпался на множество затухающих угольков цивилизации.

Сегодня говорить о чём-то серьёзном и глубоко трудно – самое серьёзное и глубокое сегодня это политика и экономика, денежные интересы. Культура и религия всё чаще становятся частью имиджа и карьерных устремлений. Бесконечный поток информации поглощает всех, захлёстывает, подавляет. Даже са-

мые образованные и умные люди не могут этого избежать и вынуждены создавать духовно-культурные, интеллектуально-культурные структуры, опорные знаки только средней глубины, вторичные в лучшем случае. Мы пытаемся опереться на какие-то традиции прошлого: традиции славянского язычества, традиции православия, традиции классической или советской культуры и идеологии, искренне не желая понимать, что все эти традиции работали правильно только в своё собственное историческое время и были разрушены по причине своего упадка и несоответствия новому времени. Если и содержалось во всех этих исторических формах что-то вечное, так это то, что можно назвать отблеском откровения, отблеском первоначального огня. Но мы-то не ищем огонь, мы ищем его старые скорлупы и черепки, пытаемся собрать из них что-то настоящее, забывая, что они только скрывали собой живую сущность.

Нет главного, глубины. Нет глубины, а значит нет и настоящего понимания. Откровение рационально понять невозможно, его можно только испытать, погрузиться всем своим существом. «Чем, чем погрузиться? – тут же спросит любой умник. – А что это такое – «существо»?» И всё. Больше ведь и говорить не о чем. Нет в человеке «существа» и погружаться ему нечем, да и некуда.

Часто приходится слышать, что в России никогда не было и нет настоящей научной философии по западному образцу. А зачем нам обязательно по западному, мы же не Запад, мы – Россия, и Запад для нас всё же мелковат, как бы он не пыжился. Старая западная цивилизация заканчивается, начинается новый цикл, а вместе с ним опять наступает время *откровения*. И нельзя не признать, что почти вся русская философия является философией откровения. Россия пытается вместить в себя весь западный исторический опыт материального, интеллектуального и культурного развития, углубляя и возвышая его до высшей точки, до интуиции, до внутреннего качественного переворота сознания, до откровения. Россия пытается вместить в себя и весь восточный опыт духовного развития, активизируя древний застывший дух и весь массив «родовой плоти», спящий на Востоке. Россия пытается одушевить «умственную плоть» Запада и «духовную плоть» Востока, пытается вылепить из них новую форму и вдохнуть в неё Душу, она создаёт, творит, лепит, формирует Душу нового человечества (Душа – новое, более высокое, массовое состояние сознания). И она сдает это, как бы человечество не сопротивлялось, как бы Лич-

ность не противилась. Возможно, что это откровение не окончательное, а этапное, но необходимое и неизбежное на сегодняшний день. К этому дню нас всегда и готовила русская философия откровения.

(Украина – зеркало всех мировых процессов внутренней борьбы *Души и Личности*, эта борьба идёт сегодня во всём мире, и она свидетельствует о грядущей смене больших мировых циклов. *Личность* всеми своими корнями принадлежит Западу, иудео-христианскому Западу, в частности Европе. *Дух* принадлежит Востоку. Ему же принадлежат и родовые отношения традиционного массового сознания, религиозно оформленные: индуизм, ислам, даосизм, буддизм и т. д. *Душа* принадлежит России, она рождена из слияния двух начал, двух мировых Культур – Востока и Запада, это их синтез. *Дух* Пространства и *Дух* Времени, *Дух* Вечности и *Дух* Истории. Созерцание, безмолвие, неподвижность и бесконечная повторяемость, с одной стороны, а с другой – лихорадочная активность ума, слова и дела в направлении самоутверждения личности, во славу личности. Расширение и сжатие. Но только *Душа* соединяет в себе всё, хотя она ещё плохо оформлена и плохо сознаёт саму себя, только чувствует, томится, мечтает, строит воздушные замки. Она ищет себя, ищет формы своего выражения во всём – в культуре, в искусстве, в религии, в политике и борется со старыми традиционными формами Востока и Запада, поскольку они ей тесны и неудобны.

Конфликт идёт по линии *ума* и *сердца*, по линии *души* и *личности*, и этот конфликт существует в каждом человеке и в каждом обществе. Только все мы находимся в разных социальных условиях, которые и проявляют разные степени преобладания тех или иных энергий: простые люди больше тяготеют к *душе*, а богатые и властью облечённые – к *личности*, но соблазны есть у всех, и основаны они, эти соблазны, на самоутверждении, на самомнении, на желании разбогатеть и возвыситься. Эти соблазны личного самоутверждения являются основой всех современных политических технологий развала государства и манипуляций народами и обществами.

Сегодня мировые лидеры, представители личностной иерархии земной власти, совершенно искренне уверены в своей правоте и готовы за такие свои личностные ценности физически и морально уничтожить всех «врагов», имеющих другое мнение и другие ценностные ориентиры. Это опасная позиция, бесперспективная и тупиковая.

Она опасна тем, что постоянно прово-

цирует народы и государства к борьбе, к противостояниям, к постоянным войнам – всё это помогает личностной мировой иерархии укрепиться и удержаться у власти, хотя это и не даёт стратегического выхода для последующего роста и развития человечества, бесконечный тупик и бег по кругу).

Во все времена сквозь историю прорывалось нечто сверхисторическое, вневременное. Конечно, это можно сказать об истории всех стран и народов с той лишь оговоркой, что в России чувство сверхисторического присутствовало не локально и частично, а массово, пусть и бессознательно. Можно сказать, чувство сверхисторического было в самой глубине коллективного бессознательного всего народа и прорывалось сквозь историю чаще, чем у других, судя по общим тенденциям в религии, культуре, искусстве, философии, идеологии. Это чувство всегда было *народным*. Интеллигенция испытывала смутную тоску по воссоединению с глубинным народным сознанием, с народной стихией «правды» и «воли». Русские интеллигенты пытались нести свет в народные массы, но это был только тусклый отблеск настоящего света, которого у них не было и за который они принимали умственное образование. Интеллигенты сами искали этот настоящий свет и хотели бы прикоснуться к нему, скрытому в глубине за безобразным, пошлым и грубым бытом народной жизни. Добраться до сокровенных световых глубин не получилось, зато получилось добраться до глубин тёмных, звериных, подсознательных, разбудив которые новая власть стала упрямо насаждать материально-умственную, атеистическую культуру социального коллективного эгоизма. Только русская классическая Культура смогла постепенно изменить ситуацию изнутри, восстановив световую сущность коллективного бессознательного и тоску по сверхисторическому. Политическая власть никогда не понимала таких вещей, поэтому не могла надолго создать стабильность в обществе, опираясь на какую-то конкретную умственную идеологию. Происходила постоянная периодическая ломка всех социальных структур, время от времени из глубины поднималась какая-то мощная волна и смывала очередную историческую форму. Шёл процесс поиска нужных исторических форм, наиболее подходящих к сверхисторическим энергиям нового цикла развития.

Русская философия откровения и пыталась всегда понять эти сложные процессы социальных мутаций, чтобы подготовить общественное сознание к перехо-

ду от старой системообразующей матрицы исторического сознания к новой матрице свехисторического сознания.

Сейчас идеологи уходящей старой цивилизации пытаются навязать нам слишком прагматический и приземлённый взгляд на историю и культуру, взгляд скептический, разлагающий, очень личностный и эгоистический по сути. Но такой взгляд никуда не ведёт, он не имеет перспективы ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, этот взгляд не видит и не хочет видеть никаких проблесков свехисторического в нашей жизни, он историчен, горизонтален, заужен. Его лозунги: **«Коммунизм – опиум интеллектуалов»** (Клэр Люс), **«Шамбала – последняя игрушка российской интеллигенции»** (О. Шишкин) и пр. Споры нет, имеется некоторая эмоциональная, романтическая восторженность у части интеллигенции не только российской, но и мировой. И всё же есть здесь не только восторженность и эмоциональные фантазии, есть по крайней мере отблеск настоящей глубины и высоты, есть здесь и отблеск откровения. А ещё такие насмешливо-скептические лозунги свидетельствуют о явно выраженной тенденции некоторой очень активной части рациональной интеллигенции все духовные явления свести к романтизму, восторженности, фанатизму, то есть к эмоциональным проекциям, а ведь это не так. Духовные явления реально существуют, больше того, даже сама эта нынешняя рациональная, прагматическая, рассудочная, информационная сфера нашей жизни является только зауженной и искажённой частью сферы духовной, сферы свехисторической. Хотя, конечно, любые высказывания и тексты нужно воспринимать только как частичные откровения, как преломление Света через призмы человеческого сознания – личностного, группового, национального, расового, исторического. Главное и сокровенное всегда остаётся невысказанным, оно требует большого внутреннего усилия для своего проявления, требует пробуждения и преображения.

О. Волгогонова написала неплохую биографию Н. А. Бердяева, которую она заканчивает такими строками (их можно отнести и к Н. К. Рериху): **«Но я надеюсь, что, глядя на тома бердяевских трудов, просвещённый читатель испытает не только положенное в таких случаях уважение, но и ощутит в своём сердце укол: вспомнит одинокого человека, безуспешно пытавшегося всю свою жизнь согреть холодный мир дыханием и потерпевшего в этом безнадежном деле оглушительное поражение»** («Бердяев». ЖЗЛ, 2010. «Молодая Гвардия»).

Как писал сам Н. Бердяев – вся культура потерпела поражение в этом мире, ну так что ж? Переживать нужно не за культуру, а за этот мир. Можно ли считать поражением *распятие* Христа? А ведь все подобные «оглушительные поражения» нужно сопоставлять с *этой* жертвой и с *этим* распятием. Н. Бердяев писал и о том, что мир развивается за счёт таких «поражений» духа, поскольку вынужден приспособливаться к ним. Значит, чем больше будет таких «поражений», тем «оглушительнее» будет их воздействие. Так что всё-таки не «укол» надо почувствовать в сердце, вспоминая труды Н. Бердяева и Н. Рериха, а уверенность в том, что они смогли продвинуть человечество ещё на одну ступеньку выше по лестнице духовного развития, это будет правильнее. Уместно здесь вспомнить стихотворение Л. Филатова на смерть В. Высоцкого:

Он замолчал. Теперь он ваш, потомки.
Его не стало. Дальше – тишина.
У века завтра лопнут перепонки,
Настолько оглушительна она.

Н. Бердяев и Н. Рерих *победили* этот мир, сумев основательно «согреть» его обжигающим дыханием высокого искусства и огненной, яростной мысли. Все, кто желают «согреться», легко могут это сделать – их огонь всё ещё здесь, он будет «согревать» и обжигать нас ещё долго, возможно, до самого последнего часа этого цикла планетного развития. Но будет, конечно, лучше, если с их помощью мы сумеем зажечь в себе свои собственные огни.

Проще «испытать положенное в таких случаях уважение», самодовольно удивляясь своей образованности и эрудированности, и, зевнув, заняться конкретными бытовыми делами, сочувственно вздохнув по поводу всех этих неприспособленных к жизни мечтателей-философов, пророков-романтиков. Но до этого нашего «уважения» и сочувствия *огню откровения* никакого дела нет, это не его сфера. Пока, конечно, *он* не запустит в действие на нашей общей «поляне» свой мусоросжигающий завод Общего пользования, иногда и принудительного. Исправить нас чьим-то локальным «огнём» дело безнадежное, тут нельзя не согласиться с О. Волгогоновой. Но высечь несколько «искр» в наших сердцах вполне возможно, для начала и это хорошо. И это не начало *русской идеи*, это её продолжение, это её постепенное осуществление.

Май – июнь 2014 года